

Я улыбнулась ей и, взяв за руку, сказала:

— А-Хуань, не сердись на мои слова, но мне всё равно — из какого ты рода: из дулинских Вэй, болинских Цуй или даже простая торговка вином с рыночной площади. Раз уж я признала тебя подругой, то на всю жизнь, вне зависимости от чинов и рангов.

Вэй Хуань ответила:

— Если ты и вправду считаешь меня подругой, то почему вспоминаешь обо мне лишь за игрой в мяч? Во дворце мне и увидеть-то тебя непросто, о какой дружбе может идти речь?

Её слова снова застали меня врасплох. Я уже собралась возражать, но передумала и усмехнулась:

— Ты упрекаешь, что я тебя не навещаю, что я тебя забросила?

Она фыркнула, выдернула руку и, прикрывшись одеялом почти до глаз, промолвила:

— Ты не мужчина, а я не твоя наложница. Какой может быть разговор о заброшенности?

Голос её звучал мягко, и, почувствовав, что гнева в нём нет, я осмелела, придвинулась ближе, приспустила край одеяла и, глядя на неё, сказала:

— Раньше я была неправа. Отныне буду приходить к тебе каждый день, каждую минуту, хорошо?

Вэй Хуань ответила:

— Ты и так занята. Не стоит расточать пустые обещания, лишь бы меня убажить.

Меня задела её слова, и я, не сдержавшись, повысила голос:

— Какие же это пустые! Я и вправду хочу видеть тебя постоянно, но матушка не даёт чёткого указания. Тебя приняли ко двору — но ты не женщина-чиновник и не придворная дама. Если я буду звать тебя без причины, все решат, будто ты моя служанка.

Вэй Хуань вдруг улыбнулась:

— Так вот как ты думаешь.

— Не только я, — призналась я. — А-Ян тоже так говорит. Боюсь, частые встречи привлекут лишнее внимание, а если не встречаться — тебя могут обидеть. Вот и посылаю тебе подарки постоянно. Кстати, ты читала сутру, что я передала? Матушка пожаловала мне два свитка, мы можем меняться. Я свой уже наполовину одолела.

Рассказывая это, я невольно приподнялась на локте. Вэй Хуань шлёпнула меня по руке:

— Говори, но лежи. Высовываешься — простудишься.

Я ухмыльнулась, повалилась на бок и, закрутившись в её объятиях, заговорила голосом в сто раз слаще, чем у ребёнка, выпрашивающего ласку у родителей:

— А-Хуань, А-Хуань, если ты не против, оставайся со мной и дальше. Ты ведь всегда хотела послушать, о чём говорит Цайжэнь Шангуань? Я тебя сведу. Но придётся соврать, если

спросят: скажу, что ты помогаешь мне растирать тушь.

Вэй Хуань опустила веки:

— Если ты искренне хочешь, чтобы я была рядом, — пойду. А нет — уж лучше одной посижу с книгой.

Испугавшись, что она откажется, я затараторила:

— Искренне, конечно искренне! Сделаю для тебя всё, что пожелаешь. Моими кистями и тушечницей можешь пользоваться когда угодно. Главное — чтобы матушка не узнала. Вообще делай что хочешь.

Я вспомнила кое-что, о чём давно собиралась сказать, и, когда Вэй Хуань произнесла слово «искренне», добавила:

— И учиться со мной тебе полезнее, чем в Храме Пэнлай внимание привлекать. Не то чтобы это плохо, но ты порой слишком торопишься угодить людям. А они не ценят, ещё и за спиной поносят. Матушка говорила, ты слишком бросаешься в глаза, и я с ней согласна.

Вэй Хуань вдруг схватила мою руку:

— Тяньхоу так обо мне отозвалась?

— Да, — кивнула я. — Сказала, ты умна, но слишком на свой ум надеешься. А по-моему, для твоих лет ты и так многого достигла. Не то что я: придворные только и делают, что льстят, а я могу лишь следить, чтобы обязанности были чётко распределены и на вид всё шло как надо.

Рука Вэй Хуань задрожала. Подержав её в своей, она наконец вымолвила:

— Не следовало тебе мне этого говорить.

— С другим бы и не сказала, — ответила я. — Но мы же только что поклялись в вечной дружбе. От тебя я ничего скрывать не хочу. Только, чур, никому не передавай.

Вэй Хуань глубоко вздохнула:

— А не боишься, что я тебя обману?

Я тут же спросила в ответ:

— А ты обманешь?

Она помедлила и тихо сказала:

— Да.

Её честность меня тронула, и я улыбнулась:

— Даже если обманешь, моё отношение к тебе не изменится. Но то, что ты сказала мне правду, уже дорогого стоит.

Вэй Хуань на миг замерла, а затем произнесла:

— Ли Тайпин, ты странная.

На следующее утро я отправилась с визитом к матушке — по моим меркам рано, но уже после семи. Отец ещё не встал, в покоях стояла гробовая тишина, да и в переднем зале для приёмов все затаили дыхание. Гао Яньфу уже поджидал у входа и, завидев меня, сделал едва заметный знак, а затем на цыпочках провёл в небольшую комнату за залом.

— Её Величество изволила сказать, — тихо заговорил он, — что в последнее время дел прибавилось, и с бумагами требуется помощь. Потому и приказала принцессе посодествовать.

В комнате стоял простой письменный стол с принадлежностями. Помещение было жарко натоплено, курились благовония, но, едва я вошла, служанки унесли половину жаровен и распахнули окна. Запах рассеялся, и температура стала в самый раз — такой, как я люблю. Гао Яньфу велел внести пачки докладов, расставил фрукты и сладости и подобострастно добавил:

— А-Ван и А-Ду будут прислуживать вашей светлости. Если что потребуется, прикажите им или позовите старика. Воля Её Величества такова: в передний зал принцессе выходить не следует, и о сём деле с сановниками говорить не подобает.

Сановники и без того косо смотрели на то, что матушка присутствует на докладах. Узнай они, что и я вникаю в бумаги, — немедленно засыпят нас упрёками. Я кивнула и протянула Гао Яньфу заранее приготовленную связку золотых бубенцов. Старик, хоть и принимал от меня дары не раз, на сей раз внезапно проявил неподкупность, судорожно отмахиваясь руками:

— Не смею, не смею!

Я уже было удивилась такой перемене, как вдруг из-за угла появилась матушка.

— Вы сегодня оба ранние пташки, — усмехнулась она.

«Кто это ещё?» — мелькнуло у меня в голове. Я подняла взгляд и увидела за её спиной Ли Жуя. Он жил дальше, но пришёл раньше — меня это слегка задело. Я выпрямилась и заявила:

— Матушка велела мне прилежно учиться, вот я и встала пораньше, чтобы больше времени уделить занятиям.

Матушка улыбнулась и спросила:

— Так рано поднялась — наверное, ещё не завтракала?

Я смущённо кивнула. Она шлёпнула меня по макушке:

— Парочка лентяев!

Она обернулась, и Гао Яньфу тут же хлопнул в ладоши. Вошли евнухи с яствами, но подача была необычной: всего три скромных подноса. На них красовались две большие паровые лепёшки, блюда с бараниной, свиной и гусятиной, четыре вида сладостей, четыре мисочки творожного лакомства и тарелка овощного ассорти. Дворцовые лепёшки «ху» обычно были либо с начинкой, либо тонкими и изящными, но эти две паровые громадины, хоть и пахли аппетитно, вид имели непрезентабельный. Мы с Ли Жуюем переглянулись, недоумевая, отчего матушка сегодня так скромничает. Она заметила наше замешательство и пояснила:

— Эти лепёшки купили на рынке.

С этими словами она первая взяла кусок, откусила и добавила:

— Не хуже дворцовых.

Услышав это, мы тоже попробовали. Тесто было качественным, но абсолютно пресным, так что пришлось заедать мясом. Матушка между тем спросила:

— Лю Эр, ты в последнее время часто на рынках бываешь. Скажи-ка, сколько нынче такая лепёшка стоит?

На лице Ли Жуя отразилась целая гамма чувств. Он долго молчал, а затем выдавил:

— Ваш подданный... никогда не покупал, не ведает.

— Хм, — промычала матушка. — В столице великая засуха, цена на рис взлетела: доу уже триста цяней. Даже в округе Жу доу стоит сто двадцать. Эту лепёшку в прошлый раз продавали по десять цяней, а теперь — по пятьдесят.

А это я знала. Недавно в моих кладовых скопилось слишком много шёлка, и я велела его продать. Чтобы меня не обманули, специально попросила Вэй Хуань навести справки о ценах. Она сказала, что из-за засухи рис вздорожал, а шёлк, напротив, подешевел: за один рулон дают всего двести цяней. Выходит, рулон шёлка высшего качества, произведённого во внутренних мастерских, можно обменять всего на полтора доу риса в Жучжоу или на четыре лепёшки. А в столице и доу риса за него не выручишь — пугающие цифры.

Видимо, моё лицо выдало мои мысли, потому что матушка взглянула на меня и спросила:

— Сыцзы знаешь цену на рис?

<http://bllate.org/book/16278/1466081>